

бывали резки. Обычно Толстой валил в одну кучу «Бальмонтов, Брюсовых, Белых», не видя и не желая видеть в творчестве их ничего выдающегося и примечательного. Вообще говоря, он, конечно, обладал тонким литературным вкусом, иначе, не любя стихов вообще, он не умилялся бы до слез на высоту художественной формы в стихотворениях Пушкина, Тютчева, Фета, которые он до глубокой старости, бывало, декламировал наизусть.

Но, тем не менее, я думаю, что часто Лев Николаевич отрицал новую литературу огулом, не будучи с ней хорошо знаком. Какая-то старозаветность, в этом смысле, была ему все-таки свойственна.

Один раз он стал говорить, что в наше время в России нет ни одного выдающегося поэта.

Я попробовал возражать.

— Ну, кто же? кто?

Я назвал, — может быть, не совсем удачно, — Брюсова.

— Ну, что-о вы! — протянул Лев Николаевич.

— Ну, прочтите хоть одно его стихотворение...

К сожалению, я ничего не знал наизусть из Брюсова и сконфуженно замолчал.

В другой раз, когда шел разговор об иностранной литературе, я вступился за Ибсена, которого, как и других знаменитых скандинавских писателей, Лев Николаевич не признавал.

Тут я убедился, что Лев Николаевич тоже либо очень мало читал (кое-что он читал, я знаю), либо забыл Ибсена, как забывал он иногда, в последние годы жизни, даже свои собственные художественные произведения. Он с любопытством прослушал содержание некоторых пьес Ибсена, переданное мною,